

УДК 94.47

Снабжение фронта мясными продуктами в годы Первой мировой войны: заготовки скота для армии

М. В. Оськин

Оськин Максим Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин, Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, Тула, maxozv@yandex.ru

Статья посвящена проблеме заготовок скота для русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Снабжение фронта являлось важным составным элементом в системе обороноспособности России. Поэтому государственная власть, и прежде всего отвечавшее за продовольственное дело Министерство земледелия, делали все возможное, чтобы рационально использовать скотоводческий фонд страны. Региональное распределение поставок скота для армии, привлечение земских структур, снижение мясного потребления в тылу – все эти факторы работали на достижение победы в мировом конфликте.

Ключевые слова: заготовки скота, Министерство земледелия, разверстка, мясное потребление, животноводство.

Supply of Meat Products to the Front during the First World War: Harvesting Cattle for the Army

M. V. Os'kin

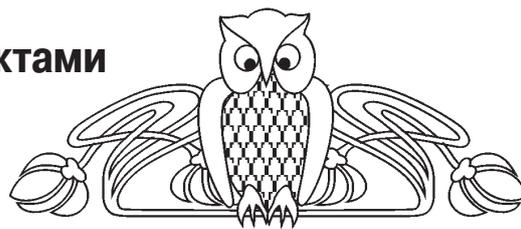
Maxim V. Os'kin, <https://orcid.org/0000-0003-1112-8715>, Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association, 98 Boldina Str., Tula 300028, Russia, maxozv@yandex.ru

The article is devoted to the problem of cattle harvesting for the Russian army during the First World War of 1914–1918. Supplies to the front played an important part in Russian defense capability. Therefore, the government and first of all, the Ministry of Agriculture, which was responsible for the food issues, made great effort to use the livestock fund of the country reasonably. Regional distribution of livestock supplies for the army, involvement of the county, and reduction of meat consumption at the home front – all served to achieve victory in the world conflict.

Keywords: harvesting of cattle, Ministry of agriculture, development, meat consumption, livestock.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-14-19>

Первая мировая война 1914–1918 гг., став первой «тотальной» войной, в ходе которой военные нагрузки в полной степени испытывали не только фронт, но и тыл, в качестве важной задачи достижения победы в войне выдвинула проблему продовольственного снабжения действующей армии. До войны мясное потребление населения было небольшим, так как животноводство развивалось «в меньшей прогрессии, чем рост населения и городского и фабричного (как потребителей мяса)». Еще до войны стало понятно, что «мы шли скорее к мясному кризису, чем к избытку скота»¹.

Оценки продовольственного состояния России в период Первой мировой войны в отечественной историографии традиционно базировались на изучении хлебного ресурса, где непоколебимой основой является труд Н. Д. Кондратьева². Соответственно, господствующим стал вывод о достаточности продовольствия в стране, а кризис объяснялся прежде всего субъективными факторами – деятельностью продовольственной организации страны. Современный исследователь справедливо подметил: «что же касается животноводства, то этот вопрос вообще не поднимался»³. Разумеется, проблема мясного снабжения не оставалась в стороне, не имея, однако, ведущего значения в исследовании данной проблематики, хотя мясо является вторым основным продуктом потребления после хлеба, а нехватка мясного ресурса обозначилась уже спустя год войны.

Еще в ходе мирового конфликта появляются работы, посвященные именно мясной проблематике⁴, среди которых выделяется исследование помощника главноуполномоченного по закупке мяса, скота и жиров для армии⁵. До революции В. Н. Бреславец занимал пост уполномоченного по закупкам скота на Южном Урале и, используя свой непосредственный опыт работы, что называется, «на земле», он использовал в своем исследовании не только общероссийские данные, которые получал в качестве помощника главноуполномоченного, но и рекомендовал умения и навыки практического применения в работе регионального уполномоченного.

Важной, хотя и небольшой по объему, работой по данной проблематике стала книга, изданная в разгар Великой Отечественной войны⁶. В. И. Попов указал массу статистических данных по заготовкам мясных продуктов в годы войны, разбил эти сведения не только в хронологии, но и в географии – по отдельным фронтам и крупным войсковым единицам в определенные временные периоды. Работа Попова затрагивает прежде всего проблему мясного снабжения армии. Однако большую часть мясного пайка войска получали в живом виде – скотом, почему Попов непременно затрагивает этот вопрос. Хотя в его исследовании не так много места отводится собственно заготовкам скота, но статистические сведения представляют важное значение. Невзирая на прикладной характер – использование опыта империалистической войны, – она стала фактически первой обобщающей работой в данном отношении.

Задачи исследования возможностей российского животноводства в 1914–1917 гг. четко поставлены в фундаментальном труде одного из ведущих аграрников советской историографии⁷. А. М. Анфимов показывает, что отчетливо проявившийся перед войной регресс животноводства «явился выражением хронического кризиса русского скотоводства», который «не бросался в глаза отчасти потому, что по статистическому учету скота числилось еще много»⁸. Анфимовым были сделаны выводы о необходимости изучения всего продовольственного ресурса России, во всем его номенклатурном многообразии. Тем не менее особенного внимания на проблему достаточности всех продовольственных ресурсов (а не только хлеба) для ведения войны не обращалось. Однако совсем недавно А. В. Островский, в подробностях изучавший сельское хозяйство России периода поздней империи, в том числе продовольственную проблематику, посвятил отечественному животноводству отдельный труд⁹.

Россия являлась сельскохозяйственной страной, опиравшейся на громадный хлебный экспорт, потому считалось, что в случае войны затруднений с питанием армии не возникнет. Однако в отношении продукции животноводства ситуация была не только не столь радужной, но и вообще пессимистичной. В сравнении с Россией, положение врага являлось даже лучшим, так как вес животных в Германии и Австро-Венгрии в среднем был больше, чем в России. К тому же неприятель имел более благоприятное соотношение в численности скота и населения¹⁰.

Русское скотоводство немного уступало по крупному рогатому скоту (если учитывать вес животных, то неравенство переходит на сторону неприятеля), в несколько раз – по свиньям и сильно превосходило Австрию и Германию в овцах. Но последняя отрасль имела существенные цифры за счет поголовья у кочевых народов азиатской части страны, а в крестьянских хозяйствах овцеводство «носило почти исключительно потребительский характер, играя крайне незначительную роль в торговом мясном балансе»¹¹. То есть подвозить баранину пришлось бы из Азии, чему в годы войны препятствовало отсутствие необходимой сети железных дорог.

В первый год войны удовлетворение потребностей действующей армии в мясных продуктах не представило особенных затруднений. В кампании 1914 г. русские войска опирались на местные средства (ресурсы прифронтового района), пока еще затронутые войной, а в кампании 1915 г. использовали для своих нужд эвакуируемый из оставляемых западных регионов скот. До весны 1915 г. уполномоченные Министерства земледелия, отвечавшего за продовольственное дело в империи, покупали почти исключительно само мясо, сдавая отходы местному населению по низким ценам. Затем с расширением военных действий, увеличением действующей армии и на-

чавшимся в апреле отступлением русских армий Восточного фронта, стала превалировать закупка живого скота.

Боевые действия первого года войны на приграничной территории истощали ресурсы прифронтовых местностей, не затрагивая основной части страны. К сентябрю 1915 г. в армию было отправлено всего 189 574 головы скота, так как на фронте был избыток скота в связи с эвакуацией, и отправка летом 1915 г. шла по минимуму, разве только для Кавказской армии, но для нее скот закупался исключительно в Закавказье¹².

В кампании 1915 г. русская армия фактически прокормилась скотом лишь западных губерний, хотя израсходовала этот ресурс почти полностью. Эвакуированный скот поступал в войска в основном с помощью реквизиции, проводившейся «еще более безобразным порядком, чем реквизиции лошадей»¹³, либо покупкой по минимальным ценам, так как многие беженцы спешили избавиться от животных. Уже в послевоенных мемуарах главный интендант Н. И. Богатко, регулировавший процесс продовольственного снабжения армии, считал, что «для спасения эвакуированного скота необходимо было собрать его в гурты – меньшую часть оставить на месте для довольствия армии, а большую часть угнать в глубокий тыл, раздать его населению, а частью держать в готовности для подачи армии»¹⁴.

К сентябрю 1915 г. в армейских тылах скопилось около 800 тыс. голов крупного рогатого скота и столько же овец и свиней, передаваемых регионам ближайшего тыла для откорма и поправки животных во внутренних районах империи¹⁵. Скопление большого и истощенного эвакуированного скота привело к развитию эпидемий, что имело под собой объективное основание – обеспечить такую массу животных ветеринарным уходом в ситуации продолжающихся ожесточенных боев было невозможно¹⁶.

Таким образом, с начала войны до осени 1915 г., то есть в течение 1-го операционного года, войска получали мясо в основном из местных средств. Далее подвоз упал, и на фронте пришлось даже вводить рыбные и яичные дни¹⁷. С апреля 1916 г. мясной паек в армии сократился с фунта (410 граммов) вдвое. Соответственно, теперь армия могла питаться в основном посредством подвоза мясных продуктов с тыла, что потребовало проведения мероприятий по заготовке скота для фронта внутри империи. Исходя из того факта, что ситуация с мясозаготовками осложнялась нарушением хозяйственного уклада крестьянства, Министерство земледелия рекомендовало более широко использовать овец и свиней для снабжения армии¹⁸.

Проект мясных закупок в феврале 1916 г. был представлен министром земледелия А. Н. Наумовым и главноуполномоченным по заготовке скота для армии С. Н. Лениным. Они указали, что

до 1 января 1917 г. армии потребуется минимум 3,5 млн голов скота. Постановление резюмировало, что заготовки скота во всей стране станут обязательными, проводиться при посредничестве земств по твердым ценам, выработанным Особым Совещанием по продовольственному делу. Наряды распределялись по регионам в зависимости от степени обеспеченности населения скотом (на 100 душ и на 1000 десятин земли) и характеру скотоводства¹⁹.

В Министерстве земледелия было решено, что твердые цены на скот и мясо вырабатываются губернскими земствами и затем утверждаются Особым Совещанием по продовольственному делу. Министерство земледелия определяет количество скота для армии в разверстании на каждую губернию, затем губернские органы разверстывают по уездам, а те – по волостям. Отчуждение скота должно происходить по твердым ценам, которые устанавливались как на пуд живого веса, так и на пуд битого мяса. Разверстка должна производиться по параметрам крупного рогатого скота, но приветствуется его замена овцами и свиньями, примерно пуд за пуд убойного веса. Прежде всего, принимаются волы и коровы, а не быки. Требование для поставляемых на убой животных – не менее 15 пудов веса, не моложе 1,5 лет (в крайнем случае, при большой упитанности – от 10 до 12 пудов веса для маленьких пород)²⁰.

Помимо поставок скота по нарядам, военные власти продолжали политику реквизиций в районах, подчинявшихся фронтовому руководству, а на просьбы губернаторов отменить реквизиционные мероприятия «во избежание обездоления населения» военное ведомство реагировало ответными ссылками на состояние транспорта. По мнению военного министра, вопрос реквизиций напрямую зависел от подачи мяса на фронт, то есть от возможностей железных дорог: недостаточное поступление мяса на фронт из глубины империи автоматически приводило к реквизициям в прифронтовых губерниях. В то же время можно было понять и губернаторов, заботящихся о сохранении стельного скота, убой которого уничтожал будущий приплод, необходимый для восстановления сельского хозяйства, что губительно отражалось на плодородии почв и продуктивности хозяйств. Поэтому цифра поставки оказалась на треть меньшей, нежели требовала Ставка: в 1916 г. подвезенный на фронт крупный рогатый скот – 2 077 270 голов (средний вес – 10 пудов), овцы – 1 105 250 голов (1 пуд), свиньи – 2 431 голова (5,5 пудов)²¹.

Дабы увеличить подвоз мяса на фронт, было решено постепенно приступить к сокращению потребления тыла при помощи введения дней запрета убоя скота. Принятые меры в конечном счете вылились в закон, принятый 30 июня 1916 г. Согласно расчетам предполагалось, что запрещение убоя скота в течение 2 дней в неделю сохранит в

год около 2 148 тыс. голов крупного рогатого скота, 300 тыс. телят и 774 тыс. свиней²². Эти цифры были выведены чисто арифметически из уровня убоя 1914 г. – 7 516 тыс. голов крупного рогатого скота, 1 053 тыс. телят и 2 710 тыс. свиней²³. В свою очередь, в прифронтовых губерниях запретили вывоз и убой телят и нетелей до возраста 1,5 лет и барашков, и ярочек до 1 года, и поросят до 8 месяцев – «в целях обеспечения в будущем армией фронта мясом»²⁴.

Твердые цены на скот и мясо были введены 19 мая 1916 г. Расценки на скот варьировались по районам от 6.00 до 7.80 руб. за пуд в зависимости от веса животного. Министр земледелия указал, что «мясо животных предполагается расценивать по нижеприведенным ценам живого веса, исходя при этом из следующей формулы:

$$X = (a - k) / Ж \times 100 / 45,$$

где X – цена пуда мяса, a – стоимость головы живого скота, k – стоимость кожи по таксам Министерства торговли, $Ж$ – живой вес. $100/45$ – это коэффициент для определения процента выхода мяса животных средней упитанности²⁵. Данные условия были приняты на проведенном 4–5 мая 1916 г. Съезде представителей земских и общественных организаций по закупке скота для армии, утвердившем твердые цены на крупный рогатый скот до 1 января 1917 г. и на свиней – по 1 мая 1917 г.

Одновременно съезд принял во внимание угрозу истощения скотоводческих ресурсов в губерниях Центральной России и предложил меры по поощрению разведения свиней (юго-западные районы страны (Малороссия)) и овец (юго-восточные районы (степи Поволжья, Калмыкия, Башкирия)) с установлением цен, закрепляемых на год. Помимо того, съезд признал статистические сведения 1914 г., которые были положены в основу плана разверстки министра земледелия на 1916 г. и определявшиеся как «несоответствующие общему состоянию скотоводства в империи в данное время», и постановил провести новую разверстку по выяснению результатов предстоящей сельскохозяйственной переписи²⁶.

«Общие положения организации поставок скота при посредстве земств или органов их заменяющих», еще 27 февраля предписываемые С. Н. Лениным, были утверждены главноуполномоченным Г. В. Глинкой 14 июня 1916 г. В то же время данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. показали готовность государства к продолжению борьбы. В основу разверстки скота на 1917 г. лег принцип А. Н. Челинцева – «размер свободного «мясного запаса», имеющегося в каждой губернии и фактически определяющегося числом молодого скота в возрасте от одного года». Размер этого запаса был исчислен в 86,9%²⁷. Способы поставок: добровольная, реквизиционная, смешанная, смешанная с преобладанием добровольной, смешанная с преобладанием реквизиции²⁸. Как

видим, достаточно своевременно принятые меры принесли свои плоды. Даже при существенном увеличении мясного потребления наличного запаса крупного рогатого скота все еще хватало для обеспечения войск, а молодежь предполагал перспективу развития.

В целом начиная с весны 1916 г., когда была введена централизованная, по предварительному разверстыванию практика поставок скота для нужд армии, в Европейской России поступило более 2,5 млн голов скота в пересчете на крупный рогатый: принималось за одну голову рогатого скота 8 овец или 3 свиньи. Из этого числа было сдано для фронта 1 608 584 головы, передано тыловым частям и военным заводам 354 390, Петрограду и Москве – 154 735. Запас скота к началу 1917 г. составил 493 214 голов. С 1 ноября до конца года следовало докупить еще 677 077 голов. К осени цифра поставок увеличилась вдвое. С 1 апреля по 1 ноября (введение новой разверстки скота) 1916 г. земствами и областными организациями было закуплено скота в 37 губерниях: 2 424 284 головы крупного рогатого скота, 2 161 456 овец, 33 657 свиней; итого при пересчете на крупный рогатый скот – 2 610 923 головы²⁹.

Свой план расчета мясного снабжения страны на 1917 г. представил и известный ученый А. В. Чайнов, показавший, что по материалам сельскохозяйственной переписи убыли скота нет, но и предложение мяса на рынок осталось невысоким. Между тем в военное время потребление значительно увеличилось, особенно фронтом, когда крестьяне, до войны потреблявшие менее пуда мяса в год, в армии стали потреблять до 6 пудов. По сведениям Министерства земледелия, годовая потребность армии, гарнизонов и флота – 53,4 млн пудов мяса в год. Вместе с организациями и пленными – 59 875 тыс. пудов, что оставляют для городов всего 31% их довоенного потребления. С учетом гужевого подвоза общее рыночное потребление страны составляло 98 802 тыс. пудов в год. За вычетом занятых неприятелем 14 губерний (16 808 тыс. пудов) – 82 млн пудов. Поэтому норма потребления мяса для горожан должна быть 1 фунт в неделю, или 1,3 пуда мяса в год, что сравняется с потреблением сельского населения (1,27 пуда). Во имя контроля над потреблением и «для возможно правильного и справедливого распределения продукта между населением» Чайнов настойчиво рекомендовал ввести карточную систему на мясопродукты «в качестве общегосударственной меры»³⁰.

На 1917 г. снабжение армии и населения мясом предполагало введение такой меры, как разверстка поставки скота по регионам империи. Ее проведение предполагалось в соответствии с данными переписи 1916 г. и характером скотоводства отдельных районов³¹. Сообразуясь с расчетами, новый министр земледелия А. А. Риттих 18 января 1917 г. назначил соответствующие заготовки мяса и сала на январь – февраль. Сорок пять губерний

и областей Центральной России должны были поставить 9 530 284 пуда мяса и 780 610 пудов свиного сала³².

Понятно, что сдача скота по твердым ценам была невыгодной для хозяев, и потому исполнение разверстки должно было производиться путем реквизиции, но с посредничеством земств, имея целью добиться большей справедливости при разверстывании наряда между отдельными хозяйствами. Специалисты же оценивали разверстку как таковую, скорее, негативно. Например, известный русский зоотехник профессор П. Н. Кулешов в мае 1916 г. предупреждал, что «реквизиция тощего скота есть уничтожение нашего скотоводства и преступление перед армией». А в письме от 10 января 1917 г. Кулешов писал, что «Ленин ввел в заблуждение бывшего министра Наумова, а через него и законодательные палаты ложным заявлением о значительном сокращении количества скота в России». Закон о реквизиции «уничтожил всякое стремление к откорму скота и вырвал из русского хозяйства крупный племенной скот и самых лучших рабочих волов. Более вредного закона не мог придумать для России и сам Вильгельм»³³.

18 января 1917 г. на срок до 1 сентября 1918 г. вновь были повышены твердые цены на скот (по различным районам от 25 до 60% в сравнении с майским уровнем³⁴), чтобы побудить владельцев скота к поставкам. Другое дело, что повышение стало вынужденным и объяснялось в первую очередь недостатком добровольного предложения скота на рынке по установленной цене. Мясная Комиссия Министерства земледелия считала, что новые цены «являются очень высокими, так как уже цены, утвержденные 12 мая 1916 г., значительно превышали по большинству губерний уровень существовавших тогда рыночных цен»³⁵, однако инфляция в стране уже приобрела опережающий характер.

Февральская революция 1917 г. не повлияла на увеличение подачи скота на фронт. Телеграмма нового министра земледелия А. И. Шингарева на места от 4 марта констатировала, что некоторые земства просят об отсрочке поставок скота до весны и даже лета, когда пойдет нагул. Однако об отсрочке не могло быть и речи, так как армия испытывала кризис снабжения, почему Шингарев требовал от земств установленных нарядов³⁶. Следовательно, продолжение войны Временным правительством не могло дать передышки тылу.

Летом 1917 г. Мясная Комиссия Общegosударственного Продовольственного комитета вновь подняла проблему об общей нехватке мяса в стране. Бюджетные данные по крестьянскому потреблению мяса существовали только по 18 губерниям³⁷. Поставка требующихся на 1917-й год 82 млн пудов мяса была возможна лишь при покушении государства на основное стадо, что автоматически увеличивало количество бескоровных и однокоровных крестьянских хозяйств.

В 1917 г. 28,6% крестьянских хозяйств не имели лошади, а 18% – коровы; почти ½ всех дворов имела лишь по одной лошади и одной корове³⁸. Таким образом, в 1917 г. количество скота, которое могло быть поставлено для фронта, объективно сократилось до уровня, при котором начинается ущерб скотоводству страны.

Оценку ситуации в отношении заготовок скота в годы Первой мировой войны дает справка Отдела животноводства Народного комиссариата земледелия 12 июля 1918 г.: «волне беженского движения во время отступления в 1915 г. нашей армии, сопутствовала гибель 2-миллионного количества крупного рогатого скота и других видов животноводства, в большинстве высоко ценного в племенном и пользовательном отношении. Аграрные волнения повлекли за собою также массовую гибель и распыление высококачественного племенного материала. Наконец, тяжелый удар в количественном отношении нанесен нашему животноводству заготовками мяса для нужд армии. Построение тех расчетов, на основании которых Министерство продовольствия производило заготовочные операции, носило такой характер, в результате коего в корне было нарушено соотношение между выращиваемыми возрастными группами, благодаря чему утеряна возможность поддерживать на прежней высоте количественный уровень стад»³⁹.

Таким образом, в целом животноводческий сектор российского народного хозяйства справлялся с тяжестью военного времени, но чем дальше, тем больше, трещал под давлением войны. За годы войны количество скота в России почти не сократилось, но это означало поддержание скотоводства на невысоком довоенном уровне с небольшим мясным потреблением населения. Вдобавок, после войны потребовалось бы восстановление поголовья западных районов империи, полностью погибшего в первый год конфликта. Резкий рост потребления мяса Вооруженными силами подрывал основное стадо в Европейской России, а вывоз скота из Сибири был затруднен из-за транспортного кризиса, что в перспективе вело к истощению основного стада страны. Революционный процесс и аграрное движение 1917 г. давали дальнейшую концентрацию крестьянского хозяйства на собственных проблемах, что предполагало введение мясных карточек и конфликт государства с деревней.

Примечания

- 1 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 478. Оп. 8. Д. 76. Л. 17об.
- 2 См.: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
- 3 Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М., 2016. С. 34.
- 4 См.: Лискун Е. Ф. Мясной вопрос в современной хозяйственной обстановке. Пг., 1917; Организация про-

дovolьственного дела за время революции 1917 года. М., 1917.

- 5 См.: Бреславец В. Н. Снабжение армии и населения мясом. 1914–1918 год. М., 1918.
- 6 См.: Попов В. И. Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 гг. (по архивным материалам). М., 1942.
- 7 См.: Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962.
- 8 Анфимов А. М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С. 67.
- 9 См.: Островский А. В. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2014.
- 10 См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 369. Оп. 12. Д. 2. Л. 289об.
- 11 Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. С. 241.
- 12 См.: РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 2. Л. 17об.
- 13 Данилов Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг., 1922. С. 34.
- 14 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 81.
- 15 См.: РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1457. Л. 35.
- 16 Там же. Ф. 2072. Оп. 1. Д. 346. Л. 37–37об.
- 17 См.: Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918 гг.). М., 1956. С. 219.
- 18 См.: РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 2. Л. 290.
- 19 См.: ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 618. Л. 1.
- 20 См.: Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 1757. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- 21 См.: РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1926. Л. 28об.
- 22 См.: Известия Министерства земледелия. 1916. № 11. С. 237.
- 23 См.: РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 3. Л. 56.
- 24 Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 14819. Л. 282.
- 25 См.: ГАТО. Ф. 1757. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
- 26 Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. Л. 7об.
- 27 См.: ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 470. Л. 7, 125.
- 28 См.: Материалы по вопросам организации продовольственного дела. Вып. VII. Земские поставки скота на нужды армии. М., 1917. С. 30.
- 29 См.: ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 370. Л. 4–6.
- 30 Там же. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 40. Л. 29–31, 46–57.
- 31 Там же. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 27. Л. 11–13.
- 32 Там же. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 68. Л. 65–67.
- 33 Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 56. ; Д. 1068. Л. 80об.
- 34 Например, в Казанском военном округе цена за пуд мяса крупного рогатого скота составила 11,82 руб., мелкого – 10,52, свиньи – 19,88. (См.: ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 252. Л. 3.)
- 35 ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 23а. Л. 62–64.
- 36 Там же. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 418. Л. 48.
- 37 Основой для расчетов послужили исследования А. В. Чайнова. См.: Чайнов А. В. Нормы потребления

сельского населения России // Статистический вестник. 1915. Кн. 2 ; Материалы по вопросам разработки продовольственного плана. Вып. 1. Нормы продовольствия населения России по данным бюджетных исследований / под ред. А. В. Чайнова. М., 1916. (Автором ис-

пользовался экземпляр работы, хранящийся в архиве. См.: ГА РФ. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 40. Л. 29–31, 46–57.)

³⁸ См.: *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 106–107.

³⁹ См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 8. Д. 76. Л. 17.

Образец для цитирования:

Оськин М. В. Снабжение фронта мясными продуктами в годы Первой мировой войны: заготовки скота для армии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 14–19. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-14-19>

Cite this article as:

Os'kin M. V. Supply of Meat Products to the Front during the First World War: Harvesting Cattle for the Army. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 14–19 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-14-19>
